

Мария
Синягина

ПУТИ
и СРЕДСТВА

16+

Мария Синягина

Пути и средства

«Автор»

2017

Синягина М.

Пути и средства / М. Синягина — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-98826-2

На берегу Волги уютно расположился лагерь археологов. Здесь не только интересно, но и весело – песни под гитару, солнце и река. А еще древние артефакты, загадки и, конечно, любовь. Настоящая сказка для тех, кто любит приключения. Однако, к некоторым испытаниям даже опытные путешественники бывают не готовы. Пропала дорогостоящая монета. Совершено покушение на заместителя директора института. Испорчен важный документ, дающий право на проведение раскопок. Как связаны эти события, и кто за ними стоит? Все это необходимо выяснить бывалому археологу Тимуру Крылову и Виктории, впервые попавшей на раскопки.

ISBN 978-5-532-98826-2

© Синягина М., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	31
-----------------------------------	----

Мария Синягина

Пути и средства

Мария Синягина
ПУТИ И СРЕДСТВА

Роман

1

Виктория стояла перед огромным старым домом и едва сдерживала слезы. В руке она держала дорогой модный телефон, от которого совсем не было толку: звони – не звони, а «номер абонента выключен или находится вне зоны...»

Девушка проделала такой длинный путь – автобус, метро, поезд, опять автобус, какая-то убогая маршрутка, больше километра пешком по незнакомой местности с тяжелым чемоданом, колесики которого никак не хотели ехать по проселочной дороге. Чемодан приходилось тащить волоком, отчего спина пронзительно ныла. И вот, когда «дорога в сказку», занявшая больше суток, уже подходила к завершению, она стояла перед этим чертовым домом и не знала, как войти внутрь. Вроде вот оно крыльцо, и дверь тоже имеется, а войти никак нельзя. Крыльцо шаткое, дверь как будто заколочена. Телефон ее связного (так она называла про себя человека, который пригласил ее в это путешествие) вне зоны действия.

«Может, дом не тот, – в порыве отчаяния подумала она, – да нет же, он в точности соответствует описанию, данному ей изначально. Не могли же меня нарочно отправить неизвестно куда...»

Сквозь слезы, которые так и стояли в глазах, Виктория начала рассматривать дом. Он был старый и очень большой, краска давно облупилась, сейчас даже нельзя было понять, каким цветом изначально он был покрашен. Кривые ступеньки, окруженные целым лесом крапивы и еще какой-то травы, кое-где подгнили и выглядели весьма неустойчиво. Резные наличники украшали небольшие темные окна. Кое-где деревянные элементы были отломаны и открывали большие щели между окнами и каркасом дома. Все это вкуче выглядело весьма плачевно – заброшенный, никому не нужный дом, отживающий последние деньки своего века.

Она аккуратно, чтобы ненароком не дотронуться до крапивы, присела на шаткое крыльцо, привалилась щекой к деревянной шершавой перекладине и закрыла глаза. Очнувшись Виктория от шороха. И как только она умудрилась задремать в таком неудобном положении? Наверное, усталость от долгого путешествия дала о себе знать. Напротив стояла и тарашилась рыжая длинноногая девчонка лет четырнадцати. У нее были большие зеленые глаза, в которых явно читалось любопытство.

Некоторое время они молча разглядывали друг друга. Первой не выдержала девочка.

– А вы кто? – не поздоровавшись, спросила она.

– Вика, – ответила девушка, поднимаясь с крыльца.

Каков вопрос – таков и ответ. Вот как хочешь, так и понимай, а пускаться в пространные объяснения она не намерена. По крайней мере, сейчас. По крайней мере, этой беспардонной девчонке, которая младше ее лет на десять.

– Так вы, наверное, к Пашечке Нахимову? – ее голосок был похож на звучание клавесина – тоненький, звенящий. Создавалось ощущение, что он принадлежал маленькой девочке.

На Викином пианино была третья педаль – посередине двух обязательных – которая воспроизводила звучание этого инструмента. Ей очень нравилось играть с нажатой средней педалью – этот звук мысленно переносил ее в волшебную сказку с балами, принцами и, конечно, добрыми волшебницами.

– Нет, вовсе не к Нахимову, а...

– Понятно, понятно мне, что вы к Шашкову, мы его все тут Нахимовым называем – в честь адмирала, того самого. Пашенька у нас хоть в снег, хоть в дождь – все в поле в первых рядах, и нам не дает расслабляться. Герой, одним словом.

Вика понятия не имела, кто такой Нахимов, почему он герой и причем здесь Павел. Шашкова Виктория никогда не видела, но договаривалась с ним по телефону о том, что он ее встретит на месте и введет в курс дела. Павла нет, зато есть нагловатая рыжеволосая девчонка, которая все сверлит и сверлит ее любопытными глазами.

– А вы кто?

– Сейчас, подождите. – И девчонка умчалась куда-то за дом.

Через несколько минут оттуда, куда ускакала рыжая, появился рослый небритый мужчина в сильно растянутой и выцветшей футболке с надписью «Я всегда прав».

– Вика, что же вы не позвонили? Саша сказала, что вы здесь на крылечке примостились, мы же договаривались...

– Договаривались. Только телефон вне зоны или выключен, а куда идти, я не знаю. Вы мне объяснили дорогу только до дома, а войти я уже не смогла.

– Да, связь здесь, конечно... через раз дают. Особенно в доме, стены-то толстые.

Он похлопал себя по карманам джинсов, видимо в поисках телефона. Телефона там не оказалось, и он виновато пожал плечами. Если бы Вика так сильно не устала, его беспомощные движения при таком росте и комплекции показались бы ей весьма забавными.

– Так как же войти в дом? – этот вопрос интересовал Вику в первую очередь, ей хотелось, наконец, отдохнуть после дороги.

– Этот вход закрыт, там внутри доски прибиты, мы все никак не соберемся его размуровать. Пойдемте, с той стороны еще один вход. Где ваши вещи? Давайте я внесу их в дом.

Вика показала Павлу на чемодан, он посмотрел на него подозрительно, потом подошел и взялся за ручку. Вика готова была поспорить, что он тихонько, себе под нос, пробурчал: «Вот турист». Фраза была явно на ее счет, однако девушка так устала, что решила не реагировать на колкость.

Они двинулись по тропинке, которую Виктория поначалу не заметила, потому что та была закрыта от взоров какой-то странной конструкцией, состоящей из деревянных столбиков, реек и наполовину затянутой тряпками.

В доме Павел проводил Вику в просторную комнату, где горой были накинаны спальные, брезент, кухонная утварь и какие-то коробки с ящиками, поставленными друг на друга.

– Садитесь, Виктория, сейчас еще рано, народ спит. Через полчаса будет подъем, и я вас со всеми познакомлю.

В это время в комнату пробралась рыжая девочка, которая Вике так и не представилась.

– Спать будете в волосатой комнате, там у нас свободное местечко есть – между Настей и Василисой.

Вике показалось, что она ослышалась.

– Какая комната?

– Волосатая, – рыжеволосая звонко рассмеялась, но Павел шикнул, и она стала говорить тише, – там из стен со всех сторон торчит пакля, поэтому мы и прозвали комнату волосатой, – девочка опять засмеялась, но, наткнувшись на взгляд Павла, притихла.

– Саш, давай поспокойнее, пусть люди отдохнут еще немного, а то не выспятся и опять будут собираться как мухи сонные, только пинай их.

– А тебе только бы пинать, даже Гаврилыч так нас в поле не выпихивает, как ты...

Перепапку прервало появление хмурого мужика лет сорока в темно-сером свитере со следами похмелья на потрепанном лице. Он смотрел исподлобья и теребил в руке еще не прикуренную сигарету.

– Вика, познакомься, это Леонид Гаврилович, руководитель отряда, а это Виктория, это ее мы ждали сегодня.

Мужчина бросил на нее еще более хмурый взгляд и пробурчал:

– Здравсте.

И ушел. Где-то вдалеке Вика услышала щелчок зажигалки, и запахло сигаретным дымом. Вика вопросительно посмотрела на Павла. Он, видимо, поняв ее недоумение, пояснил:

– Гаврилыч по утрам обычно не в духе. Ничего, вечером познакомитесь и пообщаетесь.

«Не очень-то мне хочется с ним знакомиться и тем более общаться», – подумала Вика, но вслух ничего не сказала, только кивнула.

– Вы садитесь, скоро уже завтракать будем.

Вика подумала, что раз до пробуждения команды осталось полчаса, то стоит попытаться привести себя в порядок.

– А где здесь можно душ принять?

Сказав эту фразу, Виктория перехватила взгляд, которым обменялись Павел и рыжеволосая девочка. Несмотря на то, что вопрос был адресован Павлу, ответила Саша:

– Помыться до завтрака вы явно не успеете, тут метров пятьсот. А вот умыться или зубы почистить можно на улице, на дереве рукомойник, если хотите, я провожу.

«На дереве рукомойник?» – про себя подумала девушка, а вслух спросила:

– Почему, чтобы помыться, надо пройти пятьсот метров?

– Да потому что Волга в пятистах метрах, все там и моются. Есть ещё колодец, – девица махнула рукой куда-то в сторону, – но там вода просто ледяная, а таскать наверх никто не хочет – уж больно подъем крутой.

«Так, моя дорогая, – сказала сама себе Вика, – довольна сменой местоположения? Теперь мойся вот в реке, а зубы чисти в рукомойнике на дереве».

Но вслух опять ничего не сказала. Саша тем не менее продолжала:

– Пойдемте, пойдемте, я вас провожу.

И побежала к выходу. Виктории ничего не оставалось, как пойти следом. Девочка привела её к дереву с прикрепленным к стволу рукомойником.

Он был похож на тот, который висел у Викиной бабушки в деревне. А может, это был в точности такой же рукомойник. Она взялась за «язычок» и подняла его вверх. На руки полилась холодная вода, и, когда она протекла сквозь пальцы, на ладонях остался мелкий песочек.

«Похоже, у меня тут будут все условия, чтобы отвлечься от любых проблем».

– Саша, покажите мне еще, где здесь... м-м-м... дамская комната.

Рыжеволосая рассмеялась, как от очень смешной шутки.

– Дамская? Да, дамская комната у нас имеется, – она задорно подмигнула Виктории и снова захихикала.

Вике даже не по себе стало от такого веселья. Опять она что-то не то сказала?

Александра повела Вику в сторону, противоположную от дома.

«Туалет, наверное, на улице», – подумала Вика и внутренне скривилась. Еще со времен дачи, на которой так настаивала мама, она ненавидела эти «удобства на улице». Сейчас, когда Вика уже долгое время живет отдельно, на дачу можно приезжать не так часто, к тому же папа нашел решение проблемы, поставив в доме настоящие туалет и душ. Для этого он установил на крыше пристройки огромную бочку, в которую надо заливать воду из шланга. Конструкция впечатляла, так же, как и затраченное на ее сооружение время – отец делал все сам, только изредка прибегая к помощи соседа в тех вещах, с которыми один человек просто физически не справится. Из душа, правда, пока текла вода той температуры, которая была на улице, но и это папуля обещал в скором времени решить.

Тем временем рыжая Саша уводила Викторию все дальше от дома.

«Каким же надо быть хозяином, чтобы поставить туалет так далеко от дома», – в очередной раз про себя возмутилась вновь прибывшая работница археологической экспедиции.

Пройдя несколько метров, Вика увидела палатки, стоящие в ряд. Они отличались от тех, которые она и ее друзья брали с собой, отправляясь на природу с ночевкой, – ярких, разноцветных, на вид очень легких и немного хлипких. Экспедиционные палатки были из толстого выцветшего брезента, очень большие – Вике показалось, что внутри можно даже стоять в полный рост.

– Тут осторожнее, за растяжки не зацепитесь, – предупредила провожатая.

– Что это?

– Ими натягивают тент над палаткой. Белые-то видны, а черные не разглядеть. Смотрите не упадите.

Вика увидела веревки черного и белого цвета, тянущиеся в разные стороны.

– Зачем здесь палатки, дом же большой?

– Пока лето, можно на свежем воздухе пожить, ночью не холодно. Тем более что в комнате придется всей гурьбой спать, а в здесь – хоть втроем, хоть вдвоем, а можно даже одному. Палаток хватает. Пойдемте, нам туда, – сказала Саша, уводя Викторию все дальше и дальше от дома.

– Ну вот она, наша дамская комната, – серьезно сказала юная проводница, и Вика повернулась, чтобы посмотреть на то, что ей показывали.

Посмотрела и на самом деле потеряла дар речи. «Дамская комната» представляла собой яму метр на метр, на которой располагались доски – как будто школьник расчертил в тетрадке сетку для игры в крестики-нолики. В это время прямо над их головами, словно дополняя картину, не очень высоко пролетел вертолет.

– А, это газовики, территорию осматривают, – пояснила Саша. В глазах у нее плясали чертята.

– Это что, туалет? – почему-то охрипшим голосом спросила Вика.

– Да, вы не волнуйтесь, мужчины сюда не заходят, все знают, что нельзя. А м-м-м... мужская комната находится совсем в другой стороне, – сказав все это, девочка убежала, оставив Виду наедине со странной конструкцией, которая, как выяснилось, еще и шаталась.

«Да уж, слов нет, ты точно попала», – сказала себе Вика, вернувшись обратно в дом.

Практически сразу около ее уха раздался пронзительный звон, девушка резко обернулась и успела заметить копну рыжих волос. Саша держала в одной руке половник, а в другой – крышку от большой кастрюли и старательно шарахала одно об другое, при этом громко крича: «Подъем!».

«Ничего себе порядочки, – опять подумала Вика, – сплошное удовольствие так просыпаться».

Дом постепенно начал наполняться звуками, и в комнату по одному стали входить заспанные люди. У кого-то на шее висело полотенце, другие держали в руках щетку с тюбиком зубной пасты. Большинство из них отчаянно зевали и совершенно не обращали внимания на нового в этой компании человека.

Откуда-то издалека раздался Сашин голос:

– Народ, завтракать!

Люди, успевшие уже растечься по всей комнате и расположиться с максимально возможным удобством – кто-то на ящике, кто-то на спальнике, – двинулись на зов. Павла нигде не было видно, задавать вопросы незнакомым казалось неудобно, поэтому она осталась сидеть на своем месте.

«Я бы сейчас не отказалась от чашки крепкого кофе с молоком и бутерброда с колбасой», – мечтательно подумала Виктория.

– Вика, пойдемте завтракать, что же вы здесь сидите.

Павел беззастенчиво взял Вику за руку и вывел в коридор.

– Здесь направо. Идите, поешьте, до обеда еще долго.

Он постоянно подталкивал ее до тех пор, пока они не уперлись в очередь людей, с тарелками и ложками в руках. У некоторых до сих пор в руках были щетки и тюбики зубной пасты, и они по-прежнему не обращали никакого внимания на вошедших.

– Вот там брать тарелки, здесь кружки, а тут ложки...

«Тарелками» Павел назвал железные миски – Вика у себя дома в такой варила яйца или разогревала суп, чтобы потом перелить его в тарелку. Она послушно взяла себе миску и вытащила из большой кучи алюминиевую ложку.

– Саш, Саш, – крикнули из очереди, – что у тебя сегодня на завтрак?

– Макароны, Виталечка, макароны!

– Хорошо, что не греча, а то опять голодный пойду, – Виталик повернулся лицом к Виктории, и она увидела, что он очень смешно сморщил нос, изображая, как ему не нравится гречка.

«На завтрак макароны – час от часу не легче», – подумала Вика.

– Павел, вы знаете, я, наверное, не буду есть, просто кофе попью, и все.

– Как хотите. Кофе вон на том столе, видите синюю жестяную банку? Кипяток рядом с Сашей, где она завтрак раздает, чайник должен был уже вскипеть, Сашка всегда его горячим держит, когда кормит нас. Вы наливайте кофе и идите в гостиную, – он указал в сторону комнаты с ящиками и спальниками.

Вика не удержалась и хмыкнула: «Надо же, гостиная, все как в лучших домах». Павел как будто этого не заметил. Она насыпала в эмалированную кружку кофе из синей жестяной банки, залила все это кипятком из чайника и отправилась в гостиную. Молока к кофе, конечно, не подавали.

2

Павел Шашков, или, как его называли здесь, Нахимов, пришел в гостиную с полной тарелкой макарон с тушенкой, густо сдобренных кетчупом и майонезом. В это время в комнате собралось человек пятнадцать – его гордость, его команда. Вновь прибывшая девушка сидела тихо в уголке, чашку кофе она пристроила рядом на полу.

«Странная она какая-то, – подумал Павел, – приехала сюда зачем-то. Такие условия ей явно в новинку, хотя молчит, не возмущается. Они-то – все понятно, со студенческих времен по экспедициям, жизнь без археологической романтики теряет всякий смысл. И плевать, что бытовые условия, мягко говоря, не очень, да и сама работа тяжелая, требующая физической подготовки и выносливости».

В это время в комнате заиграла нежная мелодия, и Джон Леннон запел:

Is there anybody going to listen to my story...¹

Все встrepенулись и стали искать глазами, откуда звучит музыка.

«Ах да, новенькая», – подумал Павел.

И точно – Виктория торопливо полезла в карман джинсовой куртки и достала оттуда белый телефон новой модели, который в качестве рингтона воспроизводил известную песню The Beatles под названием «Girl». Лицо девушки просветлело, было видно, что звонку она обрадовалась:

^{1 1} Может, кто-нибудь захочет мой рассказ послушать... *Пер. с англ. песни The girl (Девушка). Авторы Джон Леннон, Пол Маккартни.*

– Да, привет, папуль... Конечно, все хорошо. Не волнуйся, я просто не успела тебя набрать. Нет, пока не обустроилась... в процессе. Все хорошо... я тебе позвоню и все расскажу, конечно... Маме эсэмэску отправила. Да... И я тебя люблю... И я тебя целую. Пока.

Пока Вика разговаривала по телефону, Павел с интересом рассматривал ее. Не худенькая, но и не толстушка. В хорошо сидящих джинсах, полосатой футболке и кедах. Светлые волосы, довольно растрепанные, были заправлены за уши, глаза уставшие, совсем не накрашенные. Она вся в своих мыслях, «выпадает» из них только при наличии внешних раздражителей.

Павел мысленно проговаривал для себя план на день. Инструктаж с новенькой, потом на раскоп, там надо заложить четыре квадрата, предстоит самое сложное с физической точки зрения: снятие дерна – верхнего слоя с травой и корнями.

Осмотрев присутствующих и убедившись, что на месте все, кроме Гаврилыча, он решил начать знакомство. Начальнику все равно нет никакого дела сейчас ни до новенькой, ни, если быть честным, до раскопок.

– Отряд! Внимание! У нас в экспедиции приятное пополнение. Девушка Вика из Москвы, прошу любить и жаловать. Вика, добро пожаловать в наш небольшой археологический отряд.

Он начал перечислять имена присутствующих здесь членов экспедиции, однако видел, что Вике трудно сосредоточиться и запомнить всех. «Ничего, – подумал он, – в конце концов, все равно перезнакомятся, ребята у нас компанейские, девушку в обиду не дадут».

– Сегодня по столовой дежурит Сашуня, на рынок с Вячеславом как тягловая сила Виталик поедет. Саш, ты список того, что надо купить, составила?

– Да, Паш, у нас тушенка на исходе, гречку надо закупить с макаронами...

– Ну вот, – расстроился «тягловая сила» Виталик, – я гречку не ем, а таскать придется...

– А давайте вместо гречки перловки закупим? – предложила рыжая. – Раз гречку никто не любит.

Отряд загалдел – видимо, перловку не любили в этой компании больше, чем гречку.

– Так, – сказал Нахимов, и все притихли и уставились на него, – Саша, список покупок мне на согласование. Как приедете в лагерь, перекус соберете, и вместе с Вячеславом на раскоп...

– Подожди, Паша, а камералка как же?

– Камералка твоя никуда не денется, а у нас послезавтра начальство из института приезжает, нам надо хотя бы четыре квадрата заложить, так что всю силу кидаем на раскоп. Тимур Алексеевич уедет, тогда и будем находки обрабатывать. Сейчас все, кроме дежурных, направляются в поле. Катя... Где Катя Соловьева? – Девушка в очках, сидящая рядом с Викторией, приосанилась. – Катя знает, что делать. Я сейчас быстро проведу Вике обзорную экскурсию по лагерю – и к вам. Без меня новые квадраты не размечать, ты поняла? – строго обратился он к Соловьевой.

Девушка разочарованно посмотрела на Павла, хотела что-то возразить, но он уже отвернулся.

Члены экспедиции нехотя начали расползаться из гостиной. Павел подошел к Виктории и увидел, что к своему кофе она так и не притронулась. Он сел рядом на растрепанный спальник и начал рассказ.

– Вика, давайте сначала. Вы приехали в археологический отряд, который находится под руководством Леонида Гавриловича Платонова, он кандидат исторических наук, работает в нашем институте, преподает археологию. Здесь, на Волге, раскопки только начинаются, ну, вы все увидите. Судя по следам археологической разведки и первоначальным данным наших раскопок, здесь было ремесленное поселение, возможно, найдем гончарную мастерскую. Про датировку, конечно, пока рано говорить, но мы думаем, что большинство находок будет из семнадцатого века и позже.

– Как вы сказали? Разведка?

– Ах, да. Есть такой термин. Археологическая разведка. Для того чтобы определить целесообразность проведения раскопок, проводится сначала разведка. Делается несколько шурфов, то есть ям размером метр на метр, и определяется, есть здесь археологический памятник или нет. Если есть, то в отчете пишется, что на данной территории требуется проведение раскопок. А если нет, то заказчику здорово повезло – не надо тратить ни время, ни деньги на нашу работу, можно просто начинать строительство.

– А почему утреннюю планерку вы проводите, а не Леонид Гаврилович? – этот вопрос мучил Вику все утро.

Странное и весьма нелюбезное поведение начальника экспедиции было неприятно. Складывалось ощущение, что она пришла в гости к человеку, который ей не рад и скрывать своих эмоций не собирается.

– Сейчас пока так, – Павел немного замялся, было видно, что и ему эта тема не по душе. – В общем, когда его нет, за старшего я. Дальше по иерархии наша лаборантка Катя Соловьева, она на пятом курсе учится, по экспедициям с первого курса, так что разбирается хорошо. Каждый день в лагере остаются двое дежурных – девочка и мальчик. Девочки готовят еду и обрабатывают находки – моют их, шифруют и пакетируют. Это называется камералка. За камералку Саша Суворова у нас отвечает. Ну и, конечно, Катя разбирается, они вам все покажут и научат.

– Саша? Это которая рыженькая?

– Да, Сашка молодец, у нее очень ловко получается. А самое главное, она умеет не скушать, занимаясь монотонной работой.

– Сколько же ей лет?

– Не знаю сколько, почему вы спрашиваете?

– Мне показалось, что ей лет четырнадцать, думала, что кто-то дочку или сестру с собой взял в экспедицию, чтоб ребенок поразвлечется.

– Нет, Сашка на третьем курсе истфака учится, и ей явно больше четырнадцати... Так, дальше. Дежурные делают ревизию оставшихся продуктов и составляют список покупок. На рынок ездим каждый день, закупаем хлеб на день и пополняем остальные запасы. Список согласуем с Гаврилычем или со мной.

В это время в комнату зашел сухопарый мужичок с чашкой в руке.

– Как раз. Вячеслав, познакомься, это Вика, новенькая. Вика, это наш водитель Вячеслав, мы без него как без рук.

Мужичок кивнул в знак приветствия и обратился к Павлу.

– Заправляться надо. На рынок поедem. Выдели пару тысяч.

Говорил он забавно, простыми предложениями, робко заглядывая в глаза собеседнику.

– Тысячу пока дам. Тимур приедет, денег привезет, тогда и заправим тебя под завязку, а сейчас поэкономить надо, – сказал Павел и протянул водителю бумажку зеленого цвета.

– Так, на чем я остановился... Дежурство... Дежурный мальчик помогает таскать сумки, носит воду и делает всю силовую работу по лагерю. Девочка главная на кухне. С дежурством вроде все. Распорядок дня у нас такой. Завтрак в восемь часов, в восемь тридцать выход на раскоп. Завтракать или нет – решает каждый за себя, – он покосился на нетронутую чашку с кофе, – но на раскоп не опаздывать. В течение дня делаем перекус – дежурные налаживают бутерброды и приносят прямо туда. В пять рабочий день заканчивается, и мы идем в лагерь. Тут уже обед и свободное время. Выходные – суббота и воскресенье. Все, Вика, я коротко вас ознакомил, остальное по ходу дела расскажем и покажем.

– Спасибо, Павел.

– Вы тогда оставайтесь в лагере, отдыхайте, а на раскоп завтра.

– Нет, нет, я лучше сразу с вами, – Вика совершенно не знала, что она будет делать одна в этом доме, а еще она очень боялась, что ее сочтут за обузу. Приехала работать – значит работай, нечего отсиживаться в лагере. – Только мне надо несколько минут, чтобы переодеться.

– Панаму не забудьте. И средство от комаров, у нас раскоп рядом с лесом, комары там голодные.

Павел проводил Викторию в комнату, где ее планировали разместить. Комната была без окон, деревянные стены сделаны из потемневших досок.

Из них со всех сторон действительно торчала пакля.

«Точно, волосатая комната, очень остроумно», – усмехнулась Вика.

Она быстро переоделась в шорты и майку, натянула кепку, предварительно собрав волосы, чтобы они не торчали из-под головного убора, взяла средство от комаров и вышла на крыльцо. Павел уже ждал ее, от нетерпения переминаясь с ноги на ногу.

3

Павел шел впереди, и за его спиной Виктория совсем не видела дорогу, только маленький кусочек тропинки, деревья и кусты по бокам. Впрочем, настроения оглядывать окрестности у Виктории не было – она постоянно смотрела себе под ноги, боясь наступить на змею. Это была ее единственная сильная фобия – змей она боялась даже тогда, когда видела их по телевизору или на картинках. Странно, но в детстве этого страха Вика не испытывала и смело брала в руки ужей, которых ловили соседские мальчишки.

Когда Виктория отправлялась на раскопки, ей и в голову не пришло, что придется находиться в условиях практически дикой природы – обычно люди в эти места заходили очень редко. Сейчас, шагая по узкой тропинке, Вика усиленно топала, чтобы отогнать гадюк, которые, скорее всего, здесь водятся. Она читала, что гадюки глухие, однако реагируют на колебания почвы, создаваемые человеком при ходьбе. А еще она думала о том, что если бы знала обо всем этом заранее, то никогда бы не ввязалась в подобное мероприятие.

Внезапно лес закончился, они вышли к раскопу, который располагался на пригорке, и перед ними открылся великолепный вид. Сверху простиралось высокое небо с кучками причудливых облаков, а снизу поблескивала и переливалась Волга, по которой медленно, как будто красуясь, шел белый теплоход. Когда-то давно, когда Вика была еще маленькой, ее бабушка, большая любительница путешествий, брала внучку с собой в речной круиз по городам Золотого кольца.

«Наверное, здесь мы тоже проплывали, – подумала Вика, – а кто-то, вот как я сейчас, даже, может быть, и с этого пригорка, смотрел на нас и восхищался и белым теплоходом, и рекой, и небом».

– Виктория! Где вы застряли?

Девушка стряхнула с себя опутавшее ее задумчивое оцепенение и огляделась. Открытый участок был разделен на несколько квадратов, земля из которых была выброшена на один из краев. Вика поспешила подойти к своему провожатому.

– Вот и раскоп, – сказал Павел и махнул рукой, – в ту сторону будем еще расширяться, тут площадь большая нужна, так как стройка после окончания археологических работ будет масштабная. Катя, Катя Соловьева, – закричал он девушке, которая суежилась над разметкой нового квадрата, – я же просил без меня этим не заниматься, тут даже на глаз видно, как криво получилось! Вы, деятели, про прямые углы когда-нибудь слышали? Давайте, колышки вытаскивайте и дуйте на третий и четвертый квадрат...

– Но...

– Туда, я сказал! Снимаем первый пласт, только аккуратно, не перебарщивайте с глубиной – не более чем в полштыка, – Павел опять повернулся к Вике. – Значит так, коротко вам делаю экскурс, и начинаем активно работать, у нас завтра начальство приезжает, надо показать класс. Основа раскопа – квадраты десять на десять метров. Мы их размечаем, потом снимаем дерн, далее послойно начинаем вынимать культурный слой по пластам. Один пласт – полштыка, сильно лопатой не углубляться и, самое главное, потом землю хорошенько переби-

рать. После того, как все находки изъяты, землю надо убрать из раскопа, это делается совковой лопатой, обычно мальчишками, но иногда и девушкам приходится... сами понимаете, рабочих рук всегда не хватает. Землю кидать туда, – он указал на гору земли, высившуюся с одной стороны от раскопа, – это называется отвал. Бортик между квадратами – это бровка, их будем сносить в последнюю очередь.

– А до какого момента копать? – задала интересующий ее вопрос Виктория.

– В смысле? – не понял Павел.

– Ну, вот я буду снимать, как вы его назвали, культурный слой, один пласт, второй, третий... А когда останавливаться? Ведь не до ядра же Земли копать нам?

Павлу стало весело. Эта девочка ни к истории, ни к археологии не имеет никакого отношения, а вопросы задает по существу. Были у них деятели, которые за разговорами так увлеклись, что от культурного слоя еще полметра простой глины лопатами перекидали, пока их не остановили. А они все удивлялись, почему находок не встречаются.

– Хороший вопрос, Виктория. Вы молодец. Давайте я опять начну с самого начала, так сказать, будем плясать от печки. Важно понимать, что такое культурный слой. Если говорить языком определений, это слой почвы, который имеет остатки жизнедеятельности человека. Иными словами, когда живет человек, он обустраивает свое жилище, работает в огороде, выкидывает мусор, что-то роняет или прячет специально. Все это постепенно присыпается землей – сразу незаметно, но мы же говорим о сотнях, а иногда даже тысячах лет. Так вот. Пласт земли, где есть следы человека, – культурный слой, а то, что ниже, уже нет. И это уже не археология. Дно раскопа – это материк. То есть ситуацию, когда сняли весь культурный слой можно описать так: «Дошли до материка».

«Как интересно, – про себя подумала Виктория, – и в то же время как сложно».

– А как я определю, где культурный слой, а где уже нет?

– Вы же не одна на раскопе будете, здесь Гаврилыч и я. Катя тоже разбирается. Вы, самое главное, спрашивать не бойтесь, а мы всегда поможем. Пойдемте, я дам вам все необходимое для работы и участок выделяю.

Павел вручил Виктории штыковую лопату, совок и плотный пакет для находок и огляделся.

– Катя, сделай этикетку на пакет, третий квадрат, пласт один.

– Зачем на пакет этикетка? У меня же он один, я не перепутаю.

– Вы не перепутаете, а кто-то другой может. Представьте себе ситуацию: внезапно начинается дождь, мы, естественно, хватаем инвентарь, находки, в общем, спасаем свое добро. Приносим в лагерь и начинаем сортировать находки. Как в этом случае разобраться, какой пакет с какого квадрата и какой это пласт, в конце концов.

– А почему это так важно? Мы же все равно знаем, что это находки с этого раскопа...

– На основании того, на каком слое были найдены эти артефакты, мы определяем дату.

Катя принесла листок на клейкой основе и вручила его Виктории. На нем аккуратным почерком было написано «ПрР КЗП1».

– Что это значит? – заинтересовалась Вика. – Какие-то аббревиатуры...

– ПрР – это краткое название объекта, значит Приречье, КЗ – квадрат три, а П1 – это номер пласта. Потом все находки из пакета вымоют, высушат и на каждую вещь нанесут эту же аббревиатуру – чтобы потом в хранилище их не перепутать.

– Как интересно, я раньше даже не думала, что существует столько тонкостей, – Вика аккуратно отлепила с этикетки слой, защищающий липкую сторону, и приклеила ее на пакет для находок.

– Не забывайте просить Катю, чтобы она делала этикетки, это ее епархия. Если место в пакете закончилось, или вы начали работать на новом квадрате, или просто за следующий пласт принялись – сразу к Кате за этикеткой. Все, дорогая Вика, я вас оставляю на третьем

квадрате, работайте, землю вам Ваня будет выносить. Ваня, – крикнул он молодому светловолосому пареньку, – иди сюда, пока с Викторией будешь. Мы разметку сделаем, тогда пойдешь дерн сносить со всеми.

– Привет, – паренек подошел к Вике, – ну что, начнем?

– Да, только я в первый раз... так что вы мне подсказывайте, если что...

– Ой, только не на «вы», – запротестовал Ваня.

– Хорошо, и меня тоже на «ты» тогда называй. В общем, Ваня, ты мне говори, если что не так буду делать.

– Да не вопрос! – улыбнулся молодой археолог. – Давай пока я на штык встану, а ты перебирай землю, потом штык тебе отдам, а сам буду совком работать.

Вика посмотрела, как ловко он выхватил лопату у нее из рук и начал вонзать ее в раскоп, и тоже принялась за дело. Девушка старательно перебирала землю, которую выкапывал светловолосый Ванечка, но ничего пока не находила. Украдкой она посматривала на своего напарника.

На вид ему лет восемнадцать. Он был по-мальчишески худощав и очень симпатичен: лицо сохраняло какую-то детскую нежность. Светлые волосы то и дело спадали, и он их постоянно поправлял. Глаза были по-ребячески распахнуты, так что лицо, несмотря на челку, которая так и норовила закрыть добрую его половину, казалось очень открытым.

«Интересно, – подумала Виктория, – как изменится это милое личико лет через пять, когда его обладатель наберется и жизненного опыта, и проблем, наверное, хлебнет. Ожесточатся ли глаза? Станет ли их выражение более неприступным или даже вызывающим...»

– Ваня, сколько тебе лет? – Виктория даже не успела подавить в себе желание задать этот вопрос, настолько увлеклась рассматриванием молодого человека и мыслями о его выражении лица.

– Сейчас ты удивишься, как, впрочем, и все, когда речь про возраст заходит. Мне двадцать четыре, я в этом году закончил университет и поступаю в аспирантуру. Ну, признавайся, сколько ты мне дала на вид?

– Восемнадцать... Да что ж вы здесь, молодильных яблок все наелись?

– Ха, ты прям рекорды устанавливаешь, мне меньше девятнадцати никто не давал еще. Хотя дело в одежде, наверное, я здесь совсем по-пацански одеваюсь.

Настало время Виктории рассмеяться. Она внимательнее стала смотреть на Ивана, но по-прежнему не видела в нем двадцатичетырехлетнего парня, уж очень светлым и по-хорошему наивным было выражение его лица.

Работа продолжалась, однако ни одной находки у Виктории с Иваном так и не было.

– Здесь ничего нет, – пожаловалась Виктория напарнику.

– Есть, есть, просто надо поискать, что-то обязательно найдем, – успокоил ее Иван, – вот смотри, кусочек глиняного горшка, это, вероятно, венчик, – он подал Виктории осколок сосуда. Судя по конфигурации, это было горлышко.

– Какой «венчик»? – не поняла Виктория. – При чем здесь «венчик»?

– «Венчик» – это ободок вокруг горлышка горшка или другого сосуда.

«Так, я уже запуталась в новых терминах», – подумала Виктория и, чтобы немного систематизировать полученную информацию, начала повторять вслух.

– Венчик – это ободок горшка, культурный слой – это то, что мы копаем, место, где когда-то жили люди. Вот те перегородки между квадратами – это...

– Бровка, – подсказал Иван.

– Точно, бровка. И еще материк – это дно раскопа, когда культурный слой уже закончился. Вроде все запомнила.

Иван работал быстро, Вика только и успевала перебирать землю, которую он аккуратными кучками складывал ей под ноги. Через некоторое время спина у девушки затекла, ей казалось, что разогнуться она уже не сможет никогда.

– Есть хочется, – пожаловалась она.

– Только же завтракали. Время десять, – сказал он, вытаскивая телефон. – Перекус часа через два будет, не раньше.

– Я вот не позавтракала. Хотела кофе попить, да тоже не получилось.

– Что так?

Этот мальчик, будучи намного моложе Вики, смотрел на нее насмешливо, даже немного по-отечески.

– Кружки у вас тут металлические, кипяток налила – она и нагрелась, а когда кружка остыла, остыл и кофе. Не люблю холодный пить, – пояснила она.

– Ладно, потерпи немного, на вот тебе конфетку, последняя, от сердца отрываю, – Ванечка протянул Вике карамельку в помятой обертке с таким видом, как будто только что вынес из воды утопающего, ну или, на худой конец, из огня погорельца.

Вика быстро сунула конфету в рот.

– Спасибо!

– А выходной будет, купишь себе кружку. Только в общую кучу не ставь – разобьют обязательно. Или себе заберут. Не украдут, конечно, но утром, когда захочешь кофе, ты ее не найдешь.

4

Вскоре раздался звонкий голосок, который вне всяких сомнений принадлежал рыжей Саше:

– Перекус! Перекус идет!

Вика встрепенулась – есть хотелось сильно, Ванина конфета только раззадорила аппетит. Следом за Сашей шли двое – Виталик, которого Павел назначил вторым дежурным, и Гаврилыч. Виталик нес большую сумку, постоянно перекидывая ее из руки в руку – нести было неудобно. Гаврилыч нес компактный пакет, в котором легко угадывалась бутылка.

Археологи расселись вокруг разложенного на большой клеенке перекуса и стали с аппетитом поглощать бутерброды с рыбными консервами, запивая их водой из большого пластикового бидона, который молодые люди наполнили из родника недалеко от раскопа.

Гаврилыч ничего не ел. Он достал из пакета бутылку с мутной жидкостью и, посмотрев сквозь нее на солнце, произнес:

– Все-таки хорошую синьку баба Марфа гонит!

– В деревне старушка живет, баба Марфа, она самогон на сливах настаивает. Крепкий, зараза, но вкусный, – тихо пояснил Викторией посмеивающийся Ванечка.

– Это что – в порядке вещей здесь, днем пить, да еще и посреди рабочего дня?

– Всякое бывает, – пожал плечами Иван.

Виктория ничего не ответила. Она молча жевала бутерброд и прикидывала, удобно ли будет взять еще один. Тем временем Гаврилыч стал разливать напиток бабы Марфы по большим металлическим кружкам:

– Давайте по маленькой, для аппетита.

Свою кружку руководитель опустошил одним глотком, закусив при этом куском хлеба, отломленного от одного из бутербродов, и тут же налил себе вторую порцию.

Кто-то из работников выпил предложенный Гаврилычем самогон, кто-то ограничился простой водой, а потом все разбрелись кто куда и разлеглись на травке, дожидаясь окончания перерыва. Саша с Виталиком собрали остатки перекуса, кружки и банки из-под консервов в ту самую большую сумку. Вика прилегла на траву, которая колола ее во все места, не прикрытые

одеждой. Это очень нервировало девушку. Она постоянно почесывалась, поднималась, чтобы проверить, не ползают ли по ней какие-нибудь козявки или муравьи – в общем, полноценно отдохнуть на траве не получалось.

У кого-то громко зазвонил телефон на манер старых советских аппаратов, а потом громкий голос Гаврилыча объявил:

– Народ, наро-о-од! У меня важные новости. Только что звонил Тимур Алексеевич, у нас отсрочка проверки – у него что-то с машиной. Он приедет в пятницу и останется у нас до понедельника. Плохая новость – с нивелиром придется подождать, хорошая – у нас больше времени, чтобы вскрыть побольше квадратов и красиво их оформить. Про зачистку не забываем – фотографии должны быть идеальны, чтобы мне потом отчет по открытому листу не стыдно было сдавать!

Ответом ему послужил громкий хор голосов отдыхающих археологов, раздавшихся с разных сторон:

– Тимур останется?

– Начальство на выходных, вот радость-то...

– Надеюсь, в Рыбинск он с нами не поедет...

Вика обратилась к Кате, которая неподалеку от нее возилась с этикетками и пакетами, наполненными находками:

– А что такое зачистка?

Катя исподлобья посмотрела на девушку и пробормотала сквозь зубы:

– Тебе это зачем? Все равно делать не будешь, у нас этим Павел занимается и еще несколько человек, в том числе и я.

«Меня, похоже, сейчас на место поставили, – подумала Вика, – приехала посмотреть на раскопки – вот и смотри молча, не лезь к знающим людям с глупыми вопросами. Ладно, попробуем сгладить ситуацию».

– Я просто хочу понять, что это такое. Ты же разбираешься, если не сложно, то объясни мне.

Катя опять кинула на нее мрачный недоверчивый взгляд и неохотно пояснила:

– Каждый слой и материк аккуратно выравнивают, сглаживают с помощью лопаты. Иногда для этого используют нож. После зачистки лучше виден цвет, по которому можно определить, что на этом месте была яма, например, или столб. Все фотографируется и наносится на план.

– Спасибо, – сухо поблагодарила Виктория.

– Пожалуйста, – нарочито вежливо ответила Катя.

Вика хотела было спросить, что такое открытый лист и кто такой Тимур Алексеевич, но решила, что не хочет больше докучать Кате вопросами.

Вскоре все вернулись к работе, и Вика вновь присоединилась к своему напарнику на выделенном им квадрате.

К концу рабочего дня, к Викиному удовольствию, их пакет наполнился черепками от глиняных горшков. Кроме этого, им попалось два кованых гвоздя размером с ладонь. Ваня пояснил, что такого рода гвозди до семнадцатого века стоили очень дорого, так как процесс их изготовления был весьма трудоемок.

Возвращаясь с раскопа, Вика отметила про себя, что такого тяжелого дня у нее давно не было. «Все-таки работа археологов изначально оценивается неправильно, а точнее недооценивается – все думают только о романтике древностей и забывают, что для того, чтобы эти древности найти, надо переносить на своих плечах не одну тонну земли. И это не говоря о последующей обработке находок, их сортировке, датировке и так далее...» – размышляла она.

Тимур Алексеевич Крылов сидел в кабинете и составлял план работы по экспедициям, находящимся на его попечении. Он работал в отделе сохранения археологического наследия института археологии, или, как его называли сотрудники, охранном отделе.

Завтра у него контрольный рейд на Волгу, Гаврилыч просил еще один нивелир привезти и рейку: видимо, раскопки здесь обещают быть более серьезными, чем планировалось изначально. Помимо оборудования, нужны и деньги, Гаврилыч давно об этом говорил, а денег, как обычно, не хватает.

На севере Москвы, где впоследствии будут строить новую дорожную развязку, раскопки подходят к концу. Денег туда сейчас много не требуется – только на повседневные расходы. Зато надо позаботиться о том, как все оттуда вывезти – экспедиция была масштабная, реквизита много, да и людей тоже надо с комфортом довезти до Москвы. Или хотя бы просто довезти. Тимур Алексеевич сделал соответствующую пометку в ежедневнике. «С Волги вернусь, надо будет выяснить, сколько транспорта им пригнать и когда они собираются выезжать. Кто-то наверняка захочет переехать на другой раскоп, это тоже надо иметь в виду. Если группа соберется большая, тоже лучше машину выделить – так дешевле, чем оплачивать проезд общественным транспортом.

В Нижнем Новгороде людей не хватает, поэтому всех желающих – туда. Эх, взять бы хоть пяток человек еще с экспедиции на Волге, – подумал Тимур, – да перекинуть их на другой объект. Того же Шашкова, он толковый парень, или Катю Соловьеву с Виталиком. Так не согласятся же. Гаврилыч собрал сильную команду, они работают как часы, за ними даже приглядывать не надо – все хорошо сделают, и с методической точки зрения, и с организационной. Сам руководитель в последнее время потерял всякий интерес к работе, но у него на это свои причины, с которыми тоже надо что-то делать».

Тимур Алексеевич уважительно относился к людям и давал возможность сделать выводы из своих ошибок. Ошибки, даже если их нельзя исправить, можно осознать и в корне поменять свою жизнь. Поэтому человека даже за самые серьезные, казалось бы, провинности, можно и нужно прощать. Да и кто он, Тимур, такой, чтобы судить о степени человеческой боли и результате этой боли – неприглядных, глупых, а зачастую и опасных поступках.

Такая позиция сформировалась у Тимура благодаря богатому опыту совершения собственных ошибок, которых он по молодости да по неопытности наворотил вагон и маленькую тележку. А может, и того больше. И если бы не разгреб он этот вагон с тележкой, не сидеть бы ему на этом месте, а возможно, и вообще ни на каком другом...

Однако попустительством Тимур заниматься не собирался, все-таки он руководитель, под его началом люди и дело, которое надо делать. В жертву чьим-то проблемам или слабостям нельзя приносить ни то ни другое.

«Завтра посмотрю, что они там сделали, и уже буду принимать решения по финансированию. И по всему остальному».

6

Сил идти на речку, чтобы ей показали, по словам Саши, их ванную комнату, у Вики совсем не осталось.

«Хорошо, что есть на свете влажные салфетки», – размышляла Виктория, когда пришла в себя, лежа поверх спального мешка на выделенном ей месте в волосатой комнате. Ей выдали и спальник, и вкладыш к нему, однако сил возиться с этим добром у Вики совсем не было.

«Потом сделаю, может, завтра. Ничего со мной не случится, если сегодня посплю так». Перед тем как дать себе окончательно отключиться, Вика решила дойти до страшного сооружения в виде ямы с досками. По дороге обратно она была остановлена решительно настроенной Сашей.

– Вика, вы обязательно должны пойти на костер! Там все собираются! Пойдемте, пойдемте!

Саша, видимо, тоже решила взять Вика под свою опеку и не дать ей заскучать. Скучать Вика не собиралась, так как глаза ее уже слипались – дала о себе знать и долгая дорога, и волнение первой встречи с новыми людьми, и тяжелый рабочий день. Тем не менее неунывающая Саша взяла девушку за руку и потащила за собой. Вика попыталась было упираться, однако поняла, что это бесполезно, и подчинилась недюжинному натиску своей рыжеволосой опекуни.

На небольшой поляне было оборудовано место для костра – посередине кострище, в котором весело потрескивал огонь, а вокруг него уложены бревна, на которых расположились археологи, наслаждающиеся отдыхом после тяжелого трудового дня.

По мере того как спутницы приближались к костру, все громче и громче слышались голоса. По-видимому, о чем-то спорили, только было непонятно о чем.

– Француз!

– Немец!

– Я тебе говорю, француз, они всегда французов нанимали!

– Да немец же, фамилия Лагарп явно немецкая!

– Ой, мало ли фамилий...

– О чем спор? – вмешалась Саша.

– Саш, ты помнишь у Александра Первого, императора, учитель был Лагарп, который ему все про права человека и гражданина рассказывал?

– Ну, помню. Республиканец, веривший в добродетель и справедливость, так нам вроде Наталья Иванна говорила?

– Кто он по национальности? Француз или немец?

– Не хочу вас расстраивать, мальчики, – Саша насмешливо оглядела спорщиков, – но, по моему, Лагарп был швейцарец, его Екатерина наняла для внука, специально выбирала такого – прогрессивного...

Спорящие Виталик и еще один черноволосый худощавый молодой человек с густо отросшей щетиной устали на нее.

– Да нет, не швейцарец он...

– Немец, точно немец!

– Лагарп был швейцарцем, – Вика, тем временем успевшая залезть в интернет на своем телефоне, неожиданно даже для себя подала голос. Теперь уже вся компания с удивлением смотрела на новенькую. – Лагарп швейцарец по национальности, вот в энциклопедии сказано, – Вика как будто в доказательство помахала телефоном перед носом у археологов.

После того как все по очереди сунули свои носы в ее телефон, убеждаясь, что Лагарп именно швейцарец, а совсем не француз и тем более не немец, спорщики успокоились.

Вика пристроилась с краю на бревне и решила дальше не вступать в странные разговоры этой честной компании.

Вскоре притопал хмурый Гаврилыч, неся на плече гитару.

Принимать участие в подобных посиделках Вике еще не приходилось. Руководитель играл на гитаре и пел, в промежутках между песнями члены компании выпивали мутную жидкость из той же бутылки и рассказывали забавные истории из жизни археологической экспедиции. Иногда собравшиеся выливали остатки самогона в костер – «жертва Бахусу», и огонь вспыхивал еще сильнее желто-синим светом. Компания радовалась – и опять наливали, выпивали, пели и смеялись. Виктория смотрела на все происходящее как будто издалека, думая о том, что эти люди похожи на одну большую семью со своими интересами, развлечениями, традициями и даже сленгом.

«Интересно, смогу ли я стать для них своей, хотя бы на эти две недели».

Многие из этих песен Виктория слышала. «Изгиб гитары желтой» и «Милая моя» знают все, даже те, кто не был в детском летнем лагере. Однако Леонид Гаврилыч пел и весьма специфичные баллады на археологическую или историческую тематику, а иногда и просто забавные хулиганские песни, которые не пристало петь серьезному человеку (Виктория помнила, как Павел сказал ей, что Гаврилыч кандидат наук и преподаватель исторического факультета, а значит человек серьезный). Тем временем кандидат наук и преподаватель весело горланил:

По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,

По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!

Компании археологов, судя по всему, слова были отлично известны, поскольку они дружно подпевали своему руководителю. Рядом с поющим сидела девочка и все время, пока он пел, преданно, как-то даже по-щенячьи смотрела ему в рот. Всем видом она показывала, что песню знает лучше всех, ну, кроме Гаврилыча, разумеется. На самых забавных моментах она старательно смеялась.

– Виталик, давай наливай по рюмочке!

Так наливай студент студентке!

Студентки тоже пьют вино,

Непьющие студентки редки —

Они все вымерли давно.

Видимо, к вечеру настроение у Гаврилыча значительно улучшилось.

– Виктория, ну что же вы затаились, давайте садитесь ближе к огню. Виталик, налей даме!

– Нет, нет, что вы, я не буду... – запротестовала Виктория.

– Тогда хоть ближе сюда садитесь, – он начал старательно двигаться, при этом тесня смотревшую на него студентку.

Девочка после этих слов недобро зыркнула на Вику, но вслух как можно доброжелательнее пропела:

– Да-да, Вика, пожалуйста, садитесь сюда, – при этом она старательно освобождала место рядом с собой так, чтобы Виктория не села близко к объекту ее обожания, – я Настя, будем дружить, – как-то совсем по-детски закончила она.

«Этого мне только не хватало – ревнивых барышень», – подумала Вика, передвигаясь поближе к костру, но при этом оставаясь как можно дальше от этой парочки.

Пламя весело играло, разгоняя ночь и освещая лица собравшихся. Вика от удовольствия жмурила глаза – так приятно было ощущать тепло огня на руках и лице, слышать треск поленьев. Она поближе пододвинула ноги в кедах к огню. На какое-то мгновение голоса веселившихся археологов отошли на задний план.

– Эй, эй! Вы только обувь не сожгите! А то у нас бывало, люди без подошвы оставались! Вика поспешно убрала ноги.

«Что ж меня все в покое не оставят, все опекают, советы дают такие правильные – и панамку вы возьмите, и ноги вы не сожгите».

В кармане зажужжал и запел голосом любимых «битлов» телефон. Вика отошла на некоторое расстояние и провела рукой по сенсору, отвечая на вызов.

– Ну что, моя дорогая, развлекаешься? – раздался резкий голос. – Ты хоть понимаешь, что я волнуюсь, а ты мне даже не позвонила?

– И тебе тоже привет. Ну, замоталась я, трудная дорога, потом сразу на работу...

– Да мне все равно, Вика, ты должна была мне позвонить, и все тут!

– Никит, ты как-то грубо со мной разговариваешь...

– Я грубо? Я разговариваю с тобой грубо? – возмутился собеседник. – Да мне вообще не следует с тобой говорить после такого!

– Какого такого, Никит? Мне папа позвонил. Он волновался, как я доехала, и он позвонил. А ты меня, на секундочку, даже на автобус не посадил, тебе на час раньше вставать не захотелось...

– Все, я понял, ты просто хочешь поругаться. Я это терпеть не намерен.

И из трубки донеслись короткие гудки. Вика ошарашенно посмотрела на экран. Почему Никита разозлился? Почему так с ней разговаривал? Раньше он этого себе не позволял. Или она не придавала этому значения? А может, правильно он рассердился? До этого момента она не принимала никаких решений без ведома своего жениха. А теперь взяла и уехала в археологическую экспедицию, да еще на две недели – половина годового отпуска как-никак. Естественно, он был недоволен, отговаривал ее всячески, пугал царившими на раскопках нравами и пьянством, ругал за безответственность и беспечность, взывал к разуму и привлекал на помощь друзей и родственников. Сил на уговоры было потрачено много. В какой-то момент в Виктории проснулось просто непреодолимое упрямство. А если это упрямство было замешено на твердой уверенности в себе, то остановить девушку могли только цунами, ураган и наводнение, действующие заодно. Силой стихий Никита не обладал, поэтому она здесь.

«Обидно, конечно, что меня никто, кроме папы, не понял, – Виктория улыбнулась своим мыслям, – папа всегда на моей стороне. Всего один раз он меня не поддержал – когда я согласилась выйти замуж за Никитку».

Этот разговор случился у них с отцом сразу после знакомства с будущим женихом:

– Как его зовут? Никита, значит. Это тот, с которым я тебя случайно встретил. Вика, случайно! Я его даже не знаю, а ты за него уже замуж собираешься! Куксик, ну что ты придумала?

– Па, то, что ты его не знаешь, ничего не значит. Он хороший, и ты обязательно его полюбишь...

– Виктория Дмитриевна! Ты забыла, что твой отец хорошо разбирается в людях – все-таки под моим руководством столько человек работает! Он тебе не пара! Это видно!

– Ты ведь его не знаешь. Может, до того, как выводы делать, познакомитесь поближе? – Вика начала злиться, и отец, конечно, это заметил.

– Вичка, ласточка моя. Ты пойми, так быстро нельзя принимать решения. Нужен какой-то период притирки, поживите вместе, но не так сразу замуж бежать. Что ты там не видела? Борщи-стирки-уборки? Или что?

– Па, какие борщи, что ты вообще говоришь?

– А на что ты надеешься, вот скажи мне? Жить долго и счастливо и умереть в один день? Без забот, хлопот и быта? Вик, такого не бывает, особенно если голову не включать, когда такие решения принимаешь. Знаешь поговорку – брак по расчету может быть счастливым, если расчет сделан правильно. Где твой расчет? Выскочить замуж за человека, с которым знакома меньше полугода? Ладно я его не знаю, но ты и сама его не знаешь! Что можно узнать о человеке, сидя с ним в ресторане или в театре? Что он способен оплатить счет и выбрать неплохую постановку? Так это и с подружкой можно время провести. А семья – это семья, не времяпровождение, а жизнь, самая настоящая, без прикрас. Слышишь меня, без прикрас! Вот, например, ты знаешь, как он себя поведет, если ты потеряешь крупную сумму денег – ну, например. Или если он придет с работы, а ужин не готов. Гладит он сам свои рубашки?

– Какие рубашки, пап? При чем здесь это?

– Да при том. Вика, прошу тебя, подумай, не торопись. И на меня не злись. Никуда он от тебя не убежит, а если это твое, то тем более не убежит. Поживите вместе, ну хоть пару лет. Фату надеть ты успеешь всегда. А если не получится у вас ничего, то хоть не травмируешь себя разводом. И паспорт чистым останется.

– Ну что ты говоришь-то такое! Тебе не кажется, что ты слишком прагматичен. Есть же такое понятие, как любовь, в конце концов.

– Ага, анекдот такой есть. Заходит мужик в автобус переполненный, пробирается сквозь толпу, останавливается и раздраженно говорит: «Спереди дуры, сзади б...ди». Одна из женщин, стоящих позади, возмущенно восклицает: «Мужчина, что вы себе позволяете, я сорок лет живу с мужем, никогда ему не изменяла!» А мужик ей и отвечает: «Тебе вперед, дура».

– Что, я дура, по-твоему?

– Дура, конечно, но моя дочь. А свою дочь я в обиду не дам, даже если ты сама себе навредить хочешь.

– Ты просто не хочешь признаться, что вообще не хочешь, чтобы я замуж выходила.

– Господь с тобой, Вичка! Выходи ты замуж, только мозг при этом не выключай, хорошо?

В том давнем споре Вика, разумеется, была не согласна с отцом, однако положила на его опыт и предложила Никитке пожить вместе некоторое время. Жених снял квартиру в спальном районе Москвы, и Виктория переехала к нему.

Мама, в отличие от отца, Никитой была всецело довольна: как же – высокий, статный, вежливый.

Но теперь все почему-то идет не так, как хотелось. Может, папа был прав?

Интересный вечер в новой компании был испорчен, настроение у Вики резко упало, она потихоньку пробралась в волосатую комнату, забила внутрь выделенного ей спальника и мгновенно заснула.

7

Тимур медленно пошевелил затекшей рукой – как он умудрился заснуть на ней? За окном было уже светло, однако опытный взгляд бывшего путешественника определил, что рассвело весьма недавно.

«Часа четыре», – подумал Тимур, разрабатывая руку, которая наливалась свинцовой болью. Спать почему-то совсем не хотелось, и мужчина, завернувшись в халат, встал и открыл ноутбук. Через несколько минут затрещал его мобильный.

– У меня-то застарелая бессонница, а ты чего не спишь?

– С чего ты взяла, что я не сплю?

– Логика, Тимур, простая логика. В социальной сети у тебя значок загорелся online, значит, компьютер ты включил, да и из окошка я вижу – свет загорелся.

Тимур и Алиса, его коллега по институту археологии, несколько лет назад купили себе по квартире в одном жилом комплексе – он располагался за МКАДом, однако до их института можно было добраться меньше чем за полтора часа. По московским меркам это было шикарно, ведь, даже проживая внутри кольца, на дорогу можно потратить больше двух часов. Покупка жилья, его ремонт, а потом и совместная дорога на работу и обратно сблизил и сдружил двух сотрудников, которые до этого общались исключительно по рабочим вопросам. К моменту покупки квартиры Тимур уже развелся, и мысль о том, чтобы поухаживать за симпатичной коллегой, несколько раз приходила ему в голову. Однако Алиса твердо пресекла его не слишком активные попытки, и потом они еще долго хохотали над его неумелыми ухаживаниями.

– У меня, между прочим, для тебя новость. Твой водитель – ну, Игорь Сергеевич – ночью сегодня стукнул служебную машину. Говорят, что в крови у него нашли алкоголь.

– Игорь? Пьяный за руль сел? Не может быть такого, он со мной уже несколько лет работает, никогда не замечал за ним ничего подобного! – Тимур прижал телефон плечом, переложил ноутбук на диван и сам плюхнулся рядом.

– У него жена рожать стала раньше срока, он вскочил в машину, чтобы доставить ее до роддома, да забыл, что рюмку до этого пропустил. У мужиков, знаешь, в таких ситуациях голову начисто отшибает.

– Не знаю, как-то не был я в таких ситуациях, Алис.

– Ну так будешь, учись заранее. Так вот, в него на светофоре какой-то урод на джипе влетел. Гаишники приехали, он кричит, боится, что в роддом не успеют, да случайно дыхнул на одного, ну тот и отправил его на анализ спиртного. В общем, итог – Игорь Сергеевич без прав, машина на штрафстоянке.

– А жена? – спросил Тимур, натягивая на себя одеяло.

– Гаишники скорую вызвали, в роддом отвезли, а что дальше, не знаю. Рожает еще, наверное. Мне Сергееч позвонил, сказал, что до тебя не дозвониться, вам же завтра ехать вроде...

– Вот я тоже попал...

– Ну не так, как твой водитель, конечно...

– Да ну тебя, Алис! Я же не меряюсь списком неприятностей, но командировку завтра придется отменить, а волжские ребята меня ждут, им аппаратура нужна и деньги тоже. Я даже на своей машине не могу поехать, у меня она не на ходу сейчас.

Тимур Алексеевич отключил телефон, с силой захлопнул ноутбук, за который теперь уже не хотелось садиться, и закрыл глаза. Тимур не любил менять планы, уж очень трудно ему было перестроиться. Конечно, водителя жалко, у него серьезные проблемы. И все же Тимур испытывал все нарастающее раздражение. Когда теперь ехать и, самое главное, как. Ждать машину из ремонта и ехать за рулем самому? Или просить, чтобы дали другого водителя? Можно, конечно, общественным транспортом, но везти тяжелую и дорогую аппаратуру на поезде ему не хотелось. Да и неудобно, в машине все-таки комфортнее.

Тимур снова встал с постели и пошел на кухню. Щелкнув зажигалкой, он прикурил и включил электрический чайник. Кухня почти сразу наполнилась едким терпким дымом – он любил крепкие сигареты, от которых сразу начинало приятно «раздирать» горло.

Через некоторое время Тимур принял решение и, глянув на часы, стал собираться на работу.

8

Прошло еще несколько дней с того момента, как Виктория прибыла в лагерь археологов. За это время она успела сдружиться с рыжеволосой Сашей, нежно, по-дружески полюбить своего напарника Ивана и проникнуться организационным талантом Павла, начав, как и все здесь, называть его Нахимовым. Она даже попривыкла к угрюмому Гаврилычу и его верному хвостику Насте, которая ходила за руководителем, буквально наступая ему на пятки. Вика так и не смогла понять, замечает он свою поклонницу или нет – прилюдно он этого не показывал. Члены же экспедиции, от которых не скрылась сия любовная ситуация, всю подтрунивали и над Настей, и над Гаврилычем. Над последним, впрочем, подтрунивали куда более осторожно, чем над девушкой. Настя мужественно терпела подколки команды, стараясь никак на них не реагировать – она просто молчала и улыбалась в ответ.

К этому времени Вика убедилась в том, что категорически не нравится Кате, – она общалась с девушкой сквозь зубы и при каждом удобном случае старалась ее поддеть. Что стоит за таким отношением, Вика не понимала, однако не обращать на это внимание становилось все труднее и труднее.

Практически со всеми Вика легко перешла на «ты». Казалось, что она живет здесь не несколько дней, а как минимум несколько недель.

Вместе с остальными она с удовольствием посещала костры, выучив успевшие полюбиться песни и тихонько подпевая разноголосому хору. Виктория даже сама пару раз бралась за гитару для того, чтобы спеть несколько любимых романсов. Такого не происходило вот уже несколько лет, ее гитара лежала на шкафу с двумя оборванными струнами. Взяв в руки инструмент, девушка с удивлением обнаружила, что ее пальцы еще помнят аккорды и переборы, а слова по-прежнему легко ложатся на мелодию.

В пятницу был первый день, когда Виктории доверили дежурство вкупе с готовкой. Взяться за приготовление еды для шестнадцати человек дело непростое, требующее не только определенных знаний, но и решимости. До сих пор в свое дежурство она занималась только камералкой – в основном мыла находки.

Накануне Саша под запись проинструктировала ее относительно пропорций, рассказала, что в какой последовательности надо делать, а также показала, где лежат продукты и кухонный инвентарь. Еще вчера Вика была вполне уверена в своих силах, однако сегодня, встав в полшестого утра, пока лагерь досыпал свои последние часы перед работой, девушка растерялась. Тем не менее она попыталась собраться с мыслями, взяла блокнот с подробной инструкцией и приступила к работе.

«Оказывается, все не так страшно, как показалось мне вначале», – подумала девушка, когда процесс приготовления завтрака на отряд археологов подходил к концу.

Оставив гречку с тушенкой и пережаренными овощами на плите, Виктория позволила себе расслабиться и присесть на крылечко. Она достала телефон, вставила в уши наушники с любимой музыкой и прислонилась щекой к деревянным перилам.

Вика смотрела на просыпающуюся природу – на солнце, которое постепенно проникало в каждую травинку, каждую веточку и листочек. И тихо радовалась возможности вот так сидеть рано утром в одиночестве и встречать новый день. Ее веки становились все тяжелее, и поначалу Вика боялась закрывать глаза, чтобы не заснуть и не пропустить время, когда придется будить лагерь к завтраку. Однако эта битва была ею позорно проиграна – через несколько минут она крепко спала, подперев щекой деревянное крыльцо. Ей приснилось, что она в магазине выбирает новый спальник. Тот, который ей выдали, когда она приехала, был ватным и очень тяжелым. В качестве продавца почему-то выступала Катя, которая убеждала ее, что ей не нужен спальник, что ей в принципе надо уехать из экспедиции:

– Девушка, поезжайте домой! Девушка, вам не нужен спальник, проснитесь! Девушка! Девушка! Девушка, проснитесь!

Последние слова Катя почему-то сказала мужским голосом и зачем-то начала теревить рукав Виктории.

– Девушка! Девушка, проснитесь!

Она медленно открыла глаза и попыталась сообразить, где находится. Вика по-прежнему сидела на крыльце, шея затекла от того, что девушка заснула в неудобном положении. Над ней стоял мужчина, видимо деревенский, и дергал за футболку, стараясь разбудить:

– Девушка, скажите мне, здесь археологи обосновались?

Вика была четко проинструктирована Павлом относительно общения с местными. Одним из непреложных правил было то, что никогда нельзя пускать аборигенов на территорию лагеря. Начинается все с обыкновенного интереса, а закончиться может по-разному, в том числе ссорами, драками, а иногда банальным воровством или прочими неприятностями.

– Зачем вы меня трогаете?! – возмутилась Вика.

Она осторожно начала разрабатывать затекшую шею, поворачивая ее из стороны в сторону.

– Что значит трогаю? Вы спите! А я вас бужу!

– Зачем меня будить?! Сплю себе и сплю. Что вы вообще здесь делаете? Это частная территория, уходите!

– Гхм... Что же я здесь делаю? – задумчиво спросил мужчина и достал из кармана желтую пачку сигарет. – Так здесь археологи или нет?

– Здесь археологи, здесь. Мужчина, повторяю вам, уходите, пожалуйста!

Вика начала по-настоящему волноваться. Лагерь спит, вряд ли кто-нибудь услышит ее крики: оказалось, что Сашин способ будить сотрудников с помощью половника и крышки был вполне оправдан – по утрам уставшие археологи спали как убитые и разбудить их можно было, только приложив нечеловеческие усилия.

– Бдительная девушка, успокойтесь. Я из института археологии. И Гаврилыча я предупредил о своем приезде заранее, вам не сказали? Я Тимур.

– Ти... Тимур?

– Да, Тимур.

– Тимур Алексеевич?

– Алексеевич, да. Но можно просто Тимур.

«Точно, – подумала Вика, – Тимур Алексеевич. Это руководство из института, Гаврилыч же говорил еще тогда, что он придет, а я спросонья не сообразила. Господи, стыдно как...»

Она украдкой еще раз посмотрела на приехавшего. Он был хорошо сложен, коренаст. Черная футболка с длинными рукавами туго обтягивала широкую спину. Глаза смотрели внимательно, немного настороженно и насмешливо одновременно.

– Действительно, Тимур, Леонид Гаврилыч говорил, что вы приедете. Извините, я не ожидала...

– А ваше имя?

– Виктория. Вика.

– Вика, значит. Ну что ж, Вика. Провожайте меня в дом, давайте кофе варить. Я вчера вечером перед отъездом намолол немного свежего. Когда подъем?

Вике все еще было неудобно от ее непреднамеренного хамства. Она достала телефон, чтобы посмотреть который час, и неожиданно вскрикнула так, что Тимур дернулся:

– Ой, подъем! Мне же воду кипятить на чай надо, а я заснула! Через сорок минут подъем, надо быстрее идти!

Они потихоньку проскользнули на кухню, где Вика поставила чайник. Потом она выдала Тимуру кастрюльку, в которую он щедро насыпал кофе из жестяной банки с изображением кофейных зерен на боку. Вика отправилась расставлять тарелки и нарезать хлеб для завтрака, а Тимур Алексеевич остался около плиты. Когда хлеб был нарезан, тарелки, кружки и столовые приборы заняли свои места, Вика вернулась на маленькую кухню. Тимур стоял спиной к ней, держа руку на ручке регулировки подачи газа, и, казалось, совсем не замечал ее присутствия.

– Я чайник выключил. Кофе будет через две минуты. Вы кофе пьете, бдительная Виктория?

– Пью.

– Давайте чашку. Вам с молоком?

– У нас нет молока.

– У нас есть молоко. Я привез. Я не могу без кофе. А кофе я не могу пить без молока. Крепкий-крепкий кофе и много молока. И ни капли сахара.

Тимур Алексеевич так говорил, как будто Вика нанималась к нему работать секретарем, и он инструктировал ее, какой кофе она должна будет для него варить. Вика протянула металлическую кружку, и Тимур начал разливать кофе половником по чашкам. Девушка заметила, что рядом с той кружкой, которую она только что ему подала, стояла чашка из толстого фарфора. Она была нежно-кремового цвета и на боку красовались такие же кофейные зерна, как и на коробке, в которую был насыпан молотый кофе.

– Идите на крыльцо, я принесу кофе. Сахар?

– Нет.

Вика молча повернулась и пошла на улицу. Она по-прежнему испытывала крайнюю неловкость перед этим человеком за агрессивную встречу и не знала, как исправить ситуацию. Вика села на ставшее уже привычным место на крылечке, а через минуту появился Тимур и протянул ей чашку с кофейными зернами.

– Берите эту чашку, – сказал он в ответ на вопросительный взгляд девушки, – из металлических пить кофе совершенно невозможно.

– Спасибо.

Кофе был сварен прекрасно, особенно приятно было пить его из нормальной чашки, не обжигая губы и руки, и Вика молча наслаждалась напитком. Тимур Алексеевич тоже не нарушал тишины. Через некоторое время Вика, снова глянув на часы, отправилась будить участников экспедиции. Стоя около кастрюли с завтраком и накладывая в тарелки к подходящим археологам гречневую кашу, Вика с интересом разглядывала Тимура, который что-то горячо обсуждал с Леонидом Гаврилычем, Павлом и Катей. Теперь, когда она точно знала, что этот человек не представляет угрозы, его внешность не казалась устрашающей. На вид ему было слегка за тридцать, невысокий, скорее коренастый. На голове короткий ежик. Одет по-походному – футболка с длинным рукавом и спортивные брюки с карманами на коленках. Улыбается хорошо, открыто.

После завтрака к Виктории подошел Павел.

– Вик, ты список продуктов составила?

– Да, мне Саша еще вчера помогла с ним, – сказала Виктория, протягивая Павлу листок с необходимыми продуктами.

– Сегодня на рынке тебе Вячеслав поможет, мы дежурного с собой на раскоп заберем. Тимур Алексеевич приехал, хочу, чтобы наша работоспособность сегодня на уровне была.

– Стремимся поразить начальство? – улыбнулась Вика.

Павел улыбнулся ей в ответ какой-то вымученной улыбкой, как будто эта тема была для него болезненной.

– Стараемся, да. От него много чего зависит, от Тимура. Деньги он нам выделяет. Ну, не лично он, конечно, платит-то заказчик, но бюджетом Тимур Алексеевич занимается. Может и меньше дать, а это чревато для экспедиции, у нас и так каждая копейка на счету. Да и Гаврилыч...

Павел со вздохом замолчал, но Вика понимала, почему ее собеседник упомянул Гаврилыча – руководитель каждый день ходил в деревню за самогоном, частенько тем, кто ехал на рынок, заказывал то пиво, то еще что-то явно не для нужд экспедиции. Саша пояснила Вике, что сейчас такое поведение крайне неосмотрительно, так как выделенные институтом археологии деньги уже потрачены, а текущие расходы на еду и бензин ведутся на средства, занятые лично у Павла. Теперь же, когда приехал Тимур, необходимо обосновать все произведенные траты и обеспечить дополнительное финансирование.

– Да, ничего лишнего, – сказал Нахимов, возвращая Виктории список, – Сашка как всегда молодец.

В эту секунду раздался громкий возглас Тимура Алексеевича. Видимо, Леонид Гаврилович начал обсуждение бюджета.

– Да вы что здесь, совсем обалдели?! Лёня! Я все понимаю, но это ни в какие рамки...

Послышалось нервное бормотание Гаврилыча, но что именно он сказал, Виктория не расслышала.

– Почему я об этом узнаю только сейчас? Это что, мелочи?! Так, – перебил Тимур принявшегося вновь бормотать Леонида, – сейчас все на раскоп, потом мы с тобой и с Павлом разбираемся с бюджетом и финансами. Все.

Члены экспедиции собрали необходимый инвентарь и уныло поплелись на работу. Тимур, Гаврилыч и подошедший к ним Павел какое-то время тихо переговаривались, сидя на

крыльце, а потом тоже удалились в сторону раскопа. Вика же занялась грязной посудой, которую работники просто свалили на стол рядом с плитой. Когда все уже почти ушли, к Вике подошел русоволосый Миша. Излишняя полнота придавала чертам его круглого лица ощущение рыхлости, однако взгляд молодого человека был цепким и немного жестким. Он смотрел пристально, как будто изучающе, и под его взглядом собеседнику зачастую становилось неловко. Вика по мере возможности старалась держаться от него подальше.

– Вик, тебе деньги на продукты дали уже?

– Нет еще, забыл, наверное, Нахимов, закрутился с начальством...

– На вот, тебе он передал, – Миша с улыбкой протянул Виктории несколько мятых тысячных купюр.

Она засунула их в задний карман.

– Вик, привет, – Настя вошла в маленькую кухню и с опаской посмотрела на Михаила, – меня Леонид Гаврилыч попросил тебе помочь с посудой.

– С чего это? – удивилась Виктория, которая помнила, что обычно в лагере остается одна девочка.

– Камералка, – уныло ответила Настя, – он сказал, что до отъезда Тимура Алексеевича надо как можно больше находок обработать, чтобы он их забрал. Девушка со вздохом присела на корточки рядом с тазами и взялась за работу.

– Я смотрю, тебя камералка не вдохновляет, – улыбнулась Вика.

– Точно, не вдохновляет, – Настя подняла голову от таза с мыльной водой, – но, как говорил Марк Аврелий, каждое дело надо делать, как будто оно последнее в жизни. Так что будем делать.

– Хорошая мысль.

– Правильная, – согласилась Настя, – у Марка Аврелия много правильных слов.

– Надо будет потом посмотреть его цитаты.

– Ты не цитаты смотри. Цитаты это, конечно, хорошо, но зачастую не отображают общего смысла. Знаешь, когда говорят, вырвано из контекста. Лучше возьми целую книжку и прочти, больше пользы будет.

Настин голос, когда она говорила о любимом авторе, стал гораздо более твердым, и впервые Виктория ощутила какую-то внутреннюю силу, таящуюся в этой девушке.

– Если хочешь, я тебе дам почитать. У меня эта книга с собой, я специально в букинисте купила, чтоб всегда под рукой была.

– Ну-у-у, – Вика не была уверена, что хочет прямо сейчас начинать читать рекомендуемую ей книгу, но отказать Насе было неудобно, – давай.

«Если что, отдам ей, когда буду уезжать», – подумала Виктория, забирая у девушки темно-зеленый потрепанный томик.

Перебив посуду, Вика направилась к водителю Вячеславу, который сидел в экспедиционной машине, в народе называемой «буханкой». Вероятнее всего, она была серого цвета, однако за грязью, которая щедро облепила машину со всех сторон, этого было не разглядеть.

– Ну что, поехали? Мне только переодеться, и я готова.

– Приходи, – в своей манере коротко бросил ей водитель.

Вика быстро переоделась, залезла в неудобную машину на переднее сиденье, и они тронулись. Вячеслав сосредоточенно вел автомобиль. Они ехали по сельской дороге, которая после того, как была размыта дождем, подверглась усиленному воздействию какой-то строительной техники или тракторов – повсюду видны следы от мощных протекторов. Когда машина выехала на асфальтированную дорогу, Вячеслав спросил:

– Заедем на заправку? Павел дал деньги.

– Ага, он говорил, что надо заправиться и машину помыть бы...

– Заправимся, а помоем сами, где-нибудь схоронимся около речки и незаметно помоем красавицу нашу.

Вика невольно заметила, как Вячеслав, обычно немногословный и даже косноязычный, когда говорил о машине, стал выражаться на каком-то поэтическом языке.

«Схоронимся, красавица – надо же, – с улыбкой подумала Вика, – любит, видать, мужичок свою машину».

Они подъехали к заправке, с территории которой только что выехала единственная машина. Вячеслав отправил Вику оплачивать бензин, а сам завозился с заправочным пистолетом. Девушка назвала кассиру номер колонки, сумму и положила деньги, переданные ей Михаилом, на специальную тарелочку. Женщина в форме переложила купюры поближе и нажала на кнопку пуска топлива. Вика уже собралась уходить, как ее остановил громовой голос:

– Стой! Мошенница! Ворюга! Тварь!

Вика невольно оглянулась, уверенная, что к ней эти возгласы не имеют никакого отношения. Обернулась из чистого любопытства, не более. Однако она ошиблась – женщина кричала ей.

– Ты что, обдурить меня решила? Прошмандовка!

– Вы... что вы себе позволяете!?! – Вика немного оторопела от такого обилия ругательств, однако попыталась защититься.

– Я что позволяю! Да я щас не только это позволю! Я тебя! – женщина в порыве гнева начала выбираться из-за стойки.

Вика была уверена, что ее сейчас ударят, только вот не понимала, за что. Женщина мгновенно, практически одним прыжком преодолела несколько метров, разделявших ее и перепуганную Викторию, вцепилась ей в волосы и начала колоссальными усилиями раскачивать девушку из стороны в сторону, словно пытаясь завалить ее на пол. Вика начала задыхаться, она знала, что надо закричать, но из ее рта выходили только судорожные всхлипы.

В это время из двери, на которой было написано «Только для персонала», выскочили еще две женщины в такой же одежде, как и бешеная кассирша. Следом за ними медленно вышагивал мужчина в форме охраны. Вика, которая мысленно распрощалась с половиной своих волос, подумала, что сейчас все кончится и подошедшие сотрудники заправки оттащат от нее эту сумасшедшую. Вопреки ожиданиям, они остановились неподалеку и стали с любопытством разглядывать разворачивающееся перед ними действо. Потом одна лениво спросила:

– Шур, что случилось?

Женщина перестала мотать Викторию из стороны в сторону, но при этом волосы не отпустила. Она с ненавистью уставилась на свою жертву и прошипела:

– Эта тварь... эта... дала мне деньги... фальшивые... сука! – она опять покрепче перехватила волосы в своей руке, но Вика, справившись с первым изумлением от столь яростной атаки, сделала мощное усилие и вырвалась.

Другие бабы тоже оцетинились:

– Попалась, голубушка! Вот из-за таких, как ты, мы свою зарплату теряем! Как не стыдно! Мы сейчас вызовем полицию, будешь знать!

– Нет, Шура, мы ее сейчас сами накажем, чтобы потом неповадно было!

Охранник почему-то решил не вмешиваться. Вика наконец обрела дар речи:

– Вы что, с ума сошли! Это я сейчас полицию вызову!

В это время в дверях появился встревоженный Вячеслав.

– Я заправился. Нам пора.

Затем он, оценив замершую сцену и увидев растрепанную Викторию и стоящих около нее враждебно настроенных женщин, подбежал к девушке и встал спереди от Вики. С его появлением пыл орущих немного поутих.

– Заправился он! А платить кто будет? Деньги-то фальшивка! Плати быстро, а бумажки свои заberi! – женщина, которая только что таскала Викторию за волосы, подбежала к стойке, схватила злополучные бумажки, смяла их и кинула прямо в лицо Вячеславу.

Он медленно нагнулся, поднял, расправил и стал внимательно их изучать. Вика, тяжело дыша, пыталась осознать произошедшее. Только что ее чуть не убила какая-то сумасшедшая из-за нескольких тысяч рублей. Что она там сказала? Это фальшивка? «Надо же, а я как-то с недоверием относилась к героям многочисленных сериалов, которые то и дело повторяли пресловутую фразу о том, что «сейчас и за меньшее убивают»». Тем временем водитель произнес:

– Точно, фальшивые. Тебе Павел их дал?

– Нет, Миша.

– Миша, значит... Успокойтесь. Мы заплатим. Вика, у тебя есть еще деньги?

– Те же, что Миша дал, он сказал, что это Павел передал, – Виктория достала из кармана деньги и протянула их Вячеславу.

– Те же... и у меня нет с собой. Поехали, заберем у Нахимова деньги.

– Никуда вы не поедете! Поедут они! Сейчас уедете и поминай как звали! Один езжай! А девка пусть остается!

– Я здесь с ними не останусь! – перепугалась Виктория.

– Я ее одну с вами не оставлю!

Водитель позвонил Павлу и коротко описал ситуацию, в которую они невольно попали. Затем он отвел Викторию в угол торгового зала, где стоял стол и три ободранных стула, и усадил на один из них. Девушка затравленно молчала, она никак не могла прийти в себя и обновить биение бешено стучавшего сердца. Она постоянно оглядывалась на персонал заправки, невольно снова ожидая нападения. Вячеслав сочувственно смотрел на нее, но молчал.

Минут через сорок к заправке подъехал большой внедорожник, так же, как и экспедиционная «буханка», обильно заляпанный грязью. С удивлением Вика увидела за рулем ее нового знакомого – Тимура Алексеевича. Взвизгнули тормоза, машина остановилась. Тимур распахнул дверь и лихо выскочил на асфальтированную площадку. Он быстро преодолел расстояние между припаркованным автомобилем и стеклянными дверями и требовательно спросил:

– Что здесь произошло?

Он подошел к стойке кассы и вопросительно посмотрел на сгрудившихся там женщин – охранник к этому времени куда-то пропал. Тетка, которая только что смело таскала беспомощную Вику по всей заправке, сейчас как-то стушевалась и стала как будто меньше ростом.

– Вот... деньги... фальшивка... а эта... тварь...

Тем временем Вячеслав, шепнув Вике, чтобы она оставалась на месте, подошел к начальнику и протянул ему смятые фальшивки.

– Фамилия ваша! – рявкнул Тимур.

На его лице отразилось еще большее бешенство.

– В смысле, – проблеяла тетка.

– В прямом смысле, представьте!

– Ко-ко-козлова... – женщина почему-то стала заикаться.

– Так вот, гражданка Козлова, о ваших действиях будет доложено начальству, и вы понесете соответствующее наказание за оскорбление клиента. За бензин мы заплатим, сколько там получилось?

– Но, – залепетала женщина, – начальство требует... потом... спрашивает... недостача... кражи... все на нас... – ее бормотание постепенно становилось все тише и тише.

Виктория с любопытством наблюдала за происходящим у стойки кассы. Тимур Алексеевич не кричал, он просто констатировал факт – о действиях будет доложено, однако что-то в его голосе и мимике заставляло эту страшную женщину робеть и заикаться.

– Сумма! – снова потребовал Тимур.

– Полторы...

– Вика, пойдем, – позвал он, кидая деньги на стол и теперь уже обращаясь к кассирше: – Вы проверили?

– Д-да, – сказала женщина, едва глянув на купюры.

Вика бочком, так, чтобы оказаться как можно дальше от обидчицы, подошла к ожидающим ее мужчинам. Вместе они вышли за раздвигающиеся двери и остановились возле машины.

– Как ты себя чувствуешь? Переволновалась?

– Д-да... – Вика, как несколько минут назад «гражданка Козлова», тоже стала заикаться.

– Вячеслав, давай сегодня сам на рынок, хорошо? Справишься?

Водитель коротко кивнул.

– Я Вику забираю, – Тимур открыл дверь, подтолкнул девушку к пассажирскому сиденью и поддержал ее под локоток, пока она неуклюже забиралась в высокий салон автомобиля.

Виктория с благодарностью откинулась на спинку удобного кресла и закрыла глаза. Ее начинало знобить и одновременно подташнивать. «Действительно, переволновалась», – подумала она; такое частенько случалось у нее перед экзаменами, хотя там за волосы никто никого не таскал.

Дверь открылась, и до девушки донесся обрывок фразы, предназначавшейся Вячеславу:

– Успокоительное какое-нибудь купи и снотворное. Вика, список дай.

Девушка, не открывая глаз, вытащила из кармана список и протянула его в сторону открытой двери. Через несколько минут Тимур сел на соседнее сиденье и завел мотор, не нарушая молчание. Вика по-прежнему сидела, сложив руки на груди и тщетно пытаясь согреться. Мужчина рядом с ней зашуршал чем-то, и вскоре она почувствовала на своих ногах теплый мягкий плед.

– Выпей, – тихо произнес Тимур.

Вика медленно открыла глаза, он протягивал ей флягу, украшенную берестой. Она послушно сделала глоток, содержимое непривычно обожгло горло, дыхание сбилось, и девушка закашлялась.

– Что это? – отдышавшись, произнесла Вика.

– Самогон, мне Гаврилыч выделил из своих запасов, – в его голосе слышалась улыбка. – А ты ничего так, не закусывая пьешь и не дрогнешь.

– Это от стресса, – Вика слабо улыбнулась и еще чуть глубже укуталась в плед, который на нее заботливо накинул Тимур.

– И фляжка пригодилась, мне ее давно уже подарили, все в машине валялась, – сказал мужчина, и они опять погрузились в молчание.

Тем временем Тимур аккуратно вырулил на трассу. После выпитого алкоголя Вика смогла немного расслабиться. Было ощущение, что она какое-то время не могла вздохнуть полной грудью, теперь же девушка как будто оттаивала.

– Тимур Алексеевич... – начала Вика.

– Тимур, – перебил он ее, – просто Тимур и можно на «ты», мы же договаривались.

– Тимур, спасибо тебе, – она немного помолчала, – спасибо.

– Пожалуйста, – он тоже помолчал, – у тебя ничего не болит?

– Нет, особо нет. Голова чуть, но это ничего, пройдет. Тимур, я в порядке, правда.

– Не люблю, когда обижают моих людей. Ты очень бледная, так что не говори, что все в порядке. Сейчас со мной на раскоп, дождемся Вячеслава, и он тебя заберет в лагерь.

– Не надо, я...

– Вика, – твердо прервал ее Тимур, – пожалуйста, не спорь, мы сделаем так, как я сказал.

«Не люблю, когда обижают моих людей... Как быстро я стала своим человеком в этой экспедиции, – подумала Виктория, – не стоило только проверять это таким способом».

Машина плавно двигалась по шоссе, и Виктория сквозь туман в голове наблюдала, как солнце поднимается все выше и выше на практически безоблачном небе, как едва шелестит листва и как в просветах между кустами и деревьями иногда мелькает серо-зеленая рябь воды.

Они приехали на раскоп, где в это время царила небольшая суматоха. Все сгруппировались вокруг Виталика, который что-то держал в руках. Как оказалось, прямо перед приездом Виктории с Тимуром Виталик нашел монету, которая теперь переходила из рук в руки.

– Это первая монета на раскопе!

– Класс!

– Посмотри на датировку!

Вика тоже взяла ее. Это была первая, по-настоящему ценная находка на этом раскопе – не просто обломки керамики или гвозди, а монета – то, что для каждого человека определенно связано с материальными ценностями. Для археолога даже простой кусочек керамики играет большую роль – он может быть подтверждением догадки исследователя или свидетельством его научного открытия, он может быть массовым материалом или быть кусочком целого сосуда, который старательные лаборанты потом склеят и бережно отправят в хранилище. А возможно, этот сосуд поставят в музей под стекло и направят на него яркую лампу, и посетители, проходя по просторным залам, будут восхищаться его стариной. Для обычного же человека интерес находки зачастую зависит от ее стоимости. В этом плане монета всегда будет находиться в более приоритетном положении, нежели массовый материал, такой, например, как керамика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.